

Jean-François Duval

L'ANNÉE OÙ J'AI APPRIS
L'ANGLAIS

ЖАН-ФРАНСУА
ДЮВАЛЬ
В ТОТ ГОД
Я ВЫУЧИЛ
АНГЛИЙСКИЙ

УДК 82.06
ББК 84 (4Фр)
Д95

Jean-François Duval. L'année où j'ai appris l'anglais
Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé
de la Culture — Centre national du livre

Издание осуществлено
с помощью Министерства культуры Франции
(Национального центра книги)

Дизайн переплета — Александр Архутик

Дюваль, Жан-Франсуа

Д95 В тот год я выучил английский: Роман / Пер.
с фр. К. А. Поздняковой. — М.: Этерна, 2011. —
208 с. — (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-480-00245-4

Неуловимое течение времени... Молодость, дружба, музыка, кино, поцелуи, любовь...— все вибрирует *Beatles*. Магия иностранного языка, гениальное место — Кембридж... Иллюзии влюбленного Криса, что все это никогда не забудет, он хочет верить в абсолютную страсть.

С легкой улыбкой автор рассказывает нам о сладких и горьких потерях при вступлении во взрослую жизнь. Моменты вечности и волнения смешиваются с тоской, непринужденной грацией... и музыкой языка.

УДК 82.06
ББК 84 (4Фр)

ISBN 978-5-480-00245-4 (Россия)
ISBN 284-114-768-1 (Франция)

© Éditions Ramsay, 2006
© К. А. Позднякова, перевод,
2011
© Палимпсест, 2011
© Издательство «Этерна»,
оформление, 2011

*Посвящается Майку Р.,
Джонни Винтеру,
Стиву Рэй Вогану,
Джону Мэйоллу
и 123 бутылкам «Джека Дениэла»*

*«She was just
Seventeen
You know
What I mean».*

John Lennon ET Paul McCartney

*«Кто попытается найти смысл
в этом рассказе,
будет подвергнут преследованию.
Тот, кто попробует отыскать
здесь нравоучение,
будет изгнан.
А тот, кому захочется найти сюжет,
будет расстрелян».*

Марк Твен. «Приключения Гекльберри Финна»

*«Наши усталые глаза
продолжают пылко и постоянно искать,
как выхватить из жизни то, что давно
прошло, хотя мы всё еще ждем,
оно исчезло незаметно, пролетело словно
молния, на одном дыхании,
вместе с юностью, силой
и романтическими иллюзиями».*

Джозеф Конрад. «Юность»

Еще Армстронг не ступил на Луну, как я чуть не сыграл в ящик. Мы возвращались из Шотландии в Кембридж. По радио играли «Битлз» «*Lady Madonna*», и Элвис пел «*Guitar Man*». На повороте наш «мини-купер» вылетел с дороги, пробил небольшую каменную стенку и перевернулся. Симон не вписался в поворот. Я подумал, надо же, как случилось — мне восемнадцать, и я умру. Казалось, это длилось целую вечность. Машину кидало из стороны в сторону, стену разнесло вдребезги, и камни разлетелись во все стороны, настоящий миниатюрный «вселенский взрыв». Нас выбросило наружу, Тим зажимал руками живот, Симон ругался, а я, хоть и не чувствовал никакой боли, заметил, что рука вся в крови. Я даже не успел толком осознать, что выжил. В стене образовалась круглая дыра, в которой «мини-купер» напоминал смятую консервную банку. «Скорая помощь» стала настоящим подарком ко дню рождения на этой безлюдной дороге. Кто же ее вызвал? Этого мы никогда не узнаем.

Нас забрали, даже не удостоив сирены, да и зачем шуметь на пустой дороге. Противостолбнячный укол, перевязка. Симон извинялся снова и снова, ведь это его вина, он не должен был поддаваться их родовому искушению — рисковать на крутом вираже. Мне показалось, что я воскрес или

заклучил сделку с дьяволом. А даже если умер, то для меня настала новая жизнь.

В Париже начинались волнения. Мы, конечно, ничего не знали об этом. Это был апрель 1968 года.

Уже три месяца я жил в доме миссис Смит и ее мужа-дантиста, им обоим было под шестьдесят, за свою долгую жизнь они объехали полмира (и видели многие страны), поэтому мы и придумали игру: я называл страну или регион, а они отвечали, бывали там или нет. Китай, Антарктика, ну да-да, конечно, они там проезжали. Они рассказывали о путешествии на джипе по Африке, о Советском Союзе и его пришедшей в упадок армии, о необходимости сдерживать коммунистов во Вьетнаме. «И если этот план провалится, то по принципу домино рухнут и западные страны».

В свои восемнадцать лет у меня было ощущение, что я ничего не знаю и ничего еще толком не сделал, а мистер Смит еще острее давал мне это почувствовать. Однако в последующие несколько дней боги словно изменили отношение ко мне, и я ввязался пусть в маленькое, но приключение. Во время нашего шотландского путешествия мы с Тимом и Симоном не раз ночевали в молодежных гостиницах, порой в настоящих замках, около водяных мельниц, чьи колеса будили путников на рассвете шумом и брызгами воды. На пике Джона О'Троата¹ неговорчивая хозяйка гостиницы, где

¹ Шотландский город, самая северная точка Великобритании.— *Здесь и далее прим. ред.*

предусматривался только ночлег и завтрак, настоящая ведьма, встретила нас очень холодно.

Поздно вечером, когда я уже собирался юркнуть под одеяло, с удивлением обнаружил в ногах три обжигающие грелки — истинная благодать. Наутро за завтраком мои друзья жаловались, что всю ночь ужасно мерзли; рассеянная горничная, не послушавшись приказа хозяйки, случайно оказала мне огромную услугу.

Определенно, в этом году я поймал удачу за хвост. Теперь главное ее не упустить.

По вечерам я часто сидел перед телевизором вместе с гостеприимными хозяевами. Миссис Смит накрывала чай с парой печений. Я пользовался этими вечерами, чтобы усовершенствовать свой английский. Когда я просыпался в семь часов утра, то слышал, как мистер Смит занимается в своем маленьком кабинете игрой на испанской гитаре и нарочно издает пронзительные и нелепые крики — это была его странная манера пения.

Помимо меня эти люди приютили еще некоего Гарри, огромного швейцарца немецкого происхождения, ростом 195 см, с коротко подстриженными волосами и синими глазами, который приехал, так же как и я, улучшить английский. Раньше он работал в банке, за что и получил капральские нашивки и почти каждый день выпивал бутылку «Джонни Уокера». Это был парень крепкого телосложения. По сравнению с ним я выглядел настоящим карликом.

Моя комната располагалась рядом с Гарри. Чтобы до нас добраться, нужно было пройти по узкой лестнице, но к нам никто не ходил. На четвертом и последнем этаже кирпичного домика на Лэнсфилд-роуд наши двери смотрели как раз друг на друга. Соседи по лестничной площадке. Гарри с одной стороны, я — с другой. Великан и карлик. В моей

берлоге хилый радиатор, купленный за шиллинг, распространял тепло вокруг себя на полметра. Я подвигал к нему кресло, вытягивал ноги, перекинув их через подлокотник, и читал английский перевод романа «Жюстина»¹, продававшегося в Париже из-под полы. Мой радиоприемник был всегда включен и настроен на программу «*Top of the pops*», где крутили «*Those were the days*»², «*Winchester cathedral*»³, «*Sunny afternoon*»⁴, жалостливого Тома Джонса и его «*Delilah*», встречались и бесконечные блюзы, группа «*Creams*», Джон Мэйолл. И конечно же, Элвис, внезапно вернувшийся на сцену, выпрыгнув как черт из табакерки с песней «*US Male*».

---

¹ Роман Лоуренса Даррелла.

² Песня группы «*Mary Hopkin*».

³ Песня Фрэнка Синатры.

⁴ Песня рок-группы «*The Kinks*».

Майк был моим ровесником и жил почти на краю города, в доме у своих дальних родственников. Он был так беден, как может быть беден только ирландец. У него были кудрявые, коротко подстриженные, черные словно уголь волосы, уже немного отсвечивающие серебром... Несколько зубов у него были вставные и держались только на штифтах. И когда ему случалось потерять один из них, приходилось прикрывать рот рукой, извергая тьму ирландских ругательств, от них содрогались стены паба, куда мы вечерами заходили и пропускали кружку за кружкой темное пиво. Я познакомился с ним через три дня после приезда. Он носил что-то наподобие черного плаща, потом надевал его все реже, на плече вечно болталась гитара, которая не могла дорого стоить. Что касается меня, то я гордился достаточно длинными волосами и вельветовой курткой, купленной на Карнаби-стрит, где одевались сами «Битлз» и «Роллинг стоунз». Мы носили ботинки «Кларкс». Мои были из гладкой кожи, но не замшевые, и, чтобы состарить их и придать красивый медный красно-желтый оттенок, Майк предложил поджечь их, как при приготовлении норвежского омлета¹.

---

¹ Десерт, основой которого является мороженое и бисквит, а сверху его покрывает безе, приготовленное из яиц.

Это было наше первое приключение, на следующей же день после встречи в пабе, когда он пришел в мою маленькую комнату у Смитов. Я достал бутылку виски «Балантайнс», вспырынул ботинки, а Майк чиркнул спичкой, и они (кларксы) запылали, как на костре инквизиции, в то время как Майк с восторгом смотрел на свои грубые башмаки, за несколько дней до этого он подверг их подобной процедуре и уверял, что не пройдет и тридцати секунд, как мои станут не хуже. Затем он вытащил из чехла свой инструмент, и я впервые понял, что он имел в виду, когда мы говорили о гитарах. Я отказался достать свою, хотя он пришел именно для того, чтобы сыграть вместе. Позднее мы отправились подобно королям на Риджент-стрит, чтобы обновить мои жареные ботинки, но начинал накрапывать дождь, и мы почти одни быстро шли по скользкому тротуару.

План Кембриджа врезался мне в память. По крайней мере, такой, каким город был в те времена. Я больше никогда туда не возвращался, несмотря на то, что пообещал себе прожить там всю жизнь или хотя бы навещать туда всякий раз, когда у меня занует сердце. Я жил на северо-восточной окраине. Чтобы добраться до центра, я всегда начинал спускаться по главной улице в направлении юго-запада, проходя мимо магазина *Marks & Spencer*. На середине пути, по левую сторону, стоял кинотеатр, где показывали только что выпущенную Диснеем «Книгу джунглей». Я купил билет, и мне ужасно понравилось, потому что не видел диснеевских фильмов с трех лет. Затем был фильм «Блики в золотом глазу» с Элизабет Тэйлор и «Комедианты» по роману Грэма Грина. Сначала я часто ходил в кино, все как обычно начинается с игры воображения. Чуть ниже по улице можно было зайти в «Версити», греческий ресторанчик, где я бывал очень часто, после того как познакомился с Симоном, а затем с Мэйбилин. Дальше, направо, ближе к центру кофейня «Уимпи», где я обычно довольствовался только чаем. В двух минутах ходьбы начинается Грин-стрит. Она вела на рыночную площадь с ее субботним блошиным рынком. Мы любили там шататься, я и Майк; солнце отражалось в ящиках,

полных всевозможными альбомами современных поп-звезд и таких старых идолов рок-н-ролла, как Эдди Кокрэн и Джин Винсент. На углу рыночной площади стоял еще один кинотеатр, я не помню названия, но около него, когда шел фильм «Вдали от безумной толпы» с Джулией Кристи, стояла длинная очередь: мужчины в смокингах и бабочках, женщины в длинных платьях, огромный хвост растянулся на целый квартал. Не меньшая очередь выстроилась перед показом фильма «Камелот и рыцари Круглого стола». На другой стороне площади, на улице, уходящей в сторону, находился притон для рокеров «Красная корова», и где, мне кажется, однажды вечером я слышал Алексиса Корнера и Джона Мэйолла. Затем вереница колледжей вдоль реки Кэм, впечатляющий Королевский колледж, мой любимый, с широким четырехугольным газоном во внутреннем дворе, обрамляющим часовню, чьи крытые галереи вели к реке и ее берегам, покрытым плакучими ивами, куда приходили влюбленные, растягивались на траве и целовались после зубрежки Чессера.

Первое время я порой встречал Гарри в «Критерионе». Он наголову возвышался в шумной толпе, тонувшей в игре паба, смехе, болтовне и пивных заказах. Его жесткие волосы, подстриженные ежиком, сильно отличались от моды тех лет. У него были сверлящие серые глаза с металлическим отблеском; когда внезапно сталкивался с ним взглядом, то его глаза полностью опровергали кажущийся грубый и поверхностный образ. Его глаза ломали все представления о нем, светились железной волей, и тут же становилось ясно, что о Гарри толком никто ничего не знает. В его взгляде читалось, что Гарри знал, что не похож на самого себя.

За два года этот здоровяк значительно потолстел, но уже тогда по его виду можно было об этом догадаться. Он говорил по-английски с сильным немецким акцентом, от громкого голоса гремели деревянные панели и гудела барная стойка из красного дерева, порой лицо озарялось детской радостью, когда в паб заходил кто-нибудь знакомый. А когда в дверях появлялась какая-нибудь девушка, будь то Доминик, Тина или Бриджит, всегда притаскивающая с собой друга, Гарри доставал из бумажника, который никогда не покидал его куртки, деньги и настойчиво требовал у бармена напитка для всех. Я не знаю, была ли эта щедрость проявле-

нием умения жить на полную катушку или юношеским максимализмом, а возможно, просто это был его способ покупать друзей. Жизнь подбрасывала удобные случаи. Бриджит искала для подруги, приезжающей в пятницу из Лондона, место, где можно было бы переночевать. Каждый из нас понимал, что если удастся воспользоваться случаем, то продолжение может стать прекрасным. Но ни у кого из нас так ничего и не получилось.

В любом пабе, когда тот или иной тип у барной стойки, крепко сжав, поднимал огромную пинту пива, вокруг воцарялась тишина, все понимали, что должно что-то произойти, атмосфера накалялась, и раздавался голос, сильный и охрипший, в котором заключалось все прошлое Британии, серьезный, напряженный, великолепный голос, звучащий как грохот волн, разбивающихся о рифы, как море, которое борется с ветрами. Я не знаю, можно ли до сих пор увидеть подобное в пабах Англии или Ирландии. Но тогда мы все пропитывались солью и брызгами. И как только прекрасная песнь замирала и голос стихал, наступало ощущение огромной пустоты, а затем возобновлялся шум и гам, и я пробирался сквозь толпу за новыми пинтами пива для Майка и меня, чтобы залить терзания наших восемнадцати лет.

Когда я только появился в начале года в Кембридже, я никого не знал. Но я сказал себе, что если взять за правило каждый день с кем-то знакомиться, то за короткое время можно обзавестись огромным количеством друзей. Железное математическое решение — но для такого, как я, это было не так просто. Когда шесть месяцев спустя я покинул Кембридж, пообещал себе продолжать в том же духе. Но у меня больше не получалось. Я смог продать душу дьяволу один-единственный раз. Я прожил так короткий отрезок жизни, но был счастлив, возможно, именно потому, что время у меня было ограничено. У меня были четкие рамки, в которых я мог заново сложиться, придать себе новую форму, да и просто предстать в лучшем свете. В этих стесненных обстоятельствах нужно было либо что-то сделать, либо подохнуть. Там я поднялся до своих вершин, после чего опустился на самый низ. В Кембридже я стал другим, таким, каким никогда не был раньше, каким мне случалось любоваться: этот другой просуществовал всего-навсего несколько недель, а затем исчез. Возможно, до сих пор кто-нибудь вспоминает о нем, а кто-то даже ему завидует.

*Listen to that tune*¹. В тот момент, когда он это говорил, все знали, что Майк уже наигрывает что-то на гитаре. Это было подобно удачному улову, который плескался в воде, а затем трепыхался на удочке, подобно слепящей серебряной вспышке, столь сверкающей, что невозможно было поверить своим глазам. Чудесная добыча! Мы все смотрели, как Майк, словно проявляя пленку или выуживая рыбу, доносит до нас мелодию. Каждый раз, дрожа, она разрезала воздух, поражала навсегда, и Майк вносил ее вместе с другими в свой репертуар. Священная торба, наполненная трепетом. Когда я начал писать этот текст, хотел вернуть именно эти ощущения. «*Listen to that tune. What do you think about that?*»² — спросил он, устремив взгляд на невидимую мелодию; простые и блюзовые рифмы расцветали на его губах, пальцы перебирали струны, заставляя их хлопать, а ладонь четко постукивала по гитаре, чтобы добиться ритма, как будто мы с ним были Гек Финн и Том Сойер или как будто он был старым негром, сидящим на корточках на плавучем доке на берегу Миссисипи и горланившим свою правду потоку.

---

¹ Послушай эту мелодию (англ.).

² Что ты об этом думаешь? (англ.).

Майк говорил, что музыка может быть великим оружием — *great weapon*, — что она может изменить мир, разрушить расовые барьеры, перемешать народы, свалить стены, Иерихонскую и одинажды, почему бы и нет, даже Берлинскую. Это мне показалось странным. Мы находились в самом разгаре «холодной войны». Годы тотального охлаждения. Этой *cold war* было пропитано все, не только политика и общество, но и сердца и чувства. Беккет был в вечном ожидании Годо¹, Бертран Рассел создал свой трибунал для обвинения преступлений войны во Вьетнаме², Сартр был повсюду известен как автор «Стены» и «Тошноты». В театре играли «За закрытыми дверями»³, ад, по-прежнему, — это другие. В начале шестидесятых годов единственной лазейкой, потрясающей революционной силой для меня и всей молодежи, для тех, кому было четырнадцать-пятнадцать, был рок. Когда я впервые услышал, как Литл Ричард вопил «*My soul*» на пластинке в 33 оборота, это был взрыв. Если бы я мог,

---

¹ «В ожидании Годо» — пьеса ирландского драматурга С. Беккета.

² Б. Рассел совместно с Ж.-П. Сартром в 1963 г. организовал международный трибунал по расследованию военных преступлений США во Вьетнаме.

³ Пьеса Ж.-П. Сартра.

зашил бы эту музыку в свою плоть, как Паскаль в свои одежды огонь и ночь его божественного открытия.

У приятеля детства, в жалком жилище его матери — две комнаты в подвале, чтобы принять ванну или вымыть ноги, там использовался металлический бак — я открыл для себя Элвиса Пресли. «*King Creole*», записанную на пластинке-сорокапятке. Я крутил ее снова и снова. То же самое с Джонни времен «Маленького клоуна твоего сердца»... Эта песня заранее окупала все последующее. Однажды приехала сестра моего приятеля, ей было тринадцать или четырнадцать лет, сексуальная, она носила красные носки, ботинки оставляла у порога, чтобы не пачкать полы. Мы ничего друг другу не сказали или почти ничего. Естественно, мы ничего не делали. Но она была здесь. Вместе мы в пятнадцатый раз слушали «Маленького клоуна твоего сердца». Мы входили в тот возраст, тринадцать-четырнадцать лет, когда целыми днями проигрываешь пластинки, добровольно закрывшись в комнате, сидя на растрепанной кровати, вокруг разбросаны конверты от пластинок, время, когда веришь, что в один прекрасный день произойдет что-то невероятное, а жизнь будет щедра к тебе. И эта девчонка, увиденная впервые, возможно, я уже любил ее, кто знает? И как прекрасно чувствовать слабое биение, оно внезапно рождается само по себе, эти эмоции, на которые ты и не думал, что способен,— внезапно приходит тот самый возраст, и, слушая песню «*You're Sixteen*»¹, неожиданно появляется надежда, что жизнь будет именно такой, чистой и красивой, как роковая баллада.

---

¹ «Тебе шестнадцать».

Природа любит расставлять подобные ловушки, пока мы еще молодые и доверчивые.

Одно его имя — Пресли — звучало совершенно по-новому, словно серебряная монетка упала на плиточный пол, словно хрустальная фуга, вращающаяся вокруг себя, только чтобы звенеть непредсказуемо, Пресли! — прозрачный отголосок, который долго звучит в ушах после того, как его услышишь или произнесешь вслух. И я вспоминаю, как это имя пронизывало воздух в школьных дворах, как будто в нем одном заключались призыв и тайна наших детских жизней на краю чего-то неизвестного нам самим.

Литературно-художественное издание
Серия «Проза нашего времени»

ДЮВАЛЬ ЖАН-ФРАНСУА

В ТОТ ГОД
Я ВЫУЧИЛ АНГЛИЙСКИЙ

РОМАН

Перевод с французского К. А. Поздняковой

Ведущий редактор *Н. В. Комарова*
Художественное оформление серии: *А. Б. Архутик*
Корректоры *В. А. Нэй, О. В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.01.2011 г.
Формат 80×100/32. Гарнитура «CharterС».
Печ. л. 6,5. Тираж 3000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru